

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора философских наук, профессора, главного научного сотрудника Института философии РАН Смирновой Наталии Михайловны на диссертационную работу Сомовой Оксаны Андреевны «Ситуация социального сознания: опыт социально-феноменологического описания», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.7. (социальная и политическая философия) в диссертационный совет 24.2.392.04 на базе ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Основоположник трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерль в одном из писем Г.Г. Шпету сравнивал феноменологию с русской равниной, которая лишь при усердном возделывании дает богатый урожай. Мне представляется, что данная диссертация – пример именно такого труда. В ней скрупулезно и на высоком профессиональном уровне разработана сложнейшая социально-философская проблема, статус и значение которой в рамках отечественной социально-философской мысли явно недооценены. Речь идет о проблеме смысловой структуры социального мира как трансцендентального основания социальной реальности. Данная проблематика, а также коррелятивная ей проблема социальных измерений персонального сознания выходит далеко за рамки собственно социальной философии и простирается в область междисциплинарных философских исследований философской антропологии и методологии социально-гуманитарного познания.

Диссертация Сомовой О.А. состоит из Введения, трех глав, заключения и списка литературы. Весьма солидный и многоязычный список литературы насчитывает 241 наименование, из них 172 русскоязычных и 69 источников на английском, немецком, французском и итальянском языках. Общий объем диссертации составляет 170 страниц.

Во Введении, сравнивая эвристический потенциал нейронаук и коммуникативной парадигмы, автор обосновывает перспективность феноменологической оптики рассмотрения современных социально-философских проблем. Скрупулезно обосновывая эвристичность социально-феноменологического метода, автор справедливо указывает на фрагментарность социально-феноменологического категориального аппарата и необходимость его дальнейшего прояснения и развития (с. 4).

Вычлняя из объекта (социальное сознание) предметный срез исследования, О.А. Сомова справедливо отмечает нетождественность понятий повседневного и социального, слияние которых отчасти инспирировано концепцией жизненного мира (Lebenswelt) «позднего» Э. Гуссерля и в дальнейшем обретшее научную легитимацию в трудах французских историков школы «Анналов» (Ф. Бродель, М. Блок и др.). Подобное растождествление и «расповседневивание» (Б. Вальденфельс) позволило автору обрести более широкие горизонты философского усмотрения проблемы метафизики социального, не сводимого к наличному ансамблю седиментированных смыслов повседневности.

Актуальность диссертационного исследования автор справедливо усматривает в назревшей необходимости осмыслить и обобщить более чем полувековой опыт развития феноменологического описания общественных процессов, а также в насущной потребности категориального обогащения наличных феноменологических и социально-философских концепций теоретической репрезентации социальной реальности. И в этом отношении диссертационная работа представляет не только социально-философский, но и несомненный историко-философский интерес, например, в плане сопоставления линий развития немецкого трансцендентализма и французского телесно-ориентированного субъективизма.

Автор, безусловно, права, полагая, что для отечественной социальной философской мысли не характерны феноменологически ориентированные исследования социальных процессов (с. 4). Подобную фрагментарность социально-феноменологических исследований в России автор объясняет глубоко укорененными стереотипами марксистского описания общества. Подобный аргумент, безусловно, правильный, обретает дальнейшее развитие в представлении о «невнимании российских исследователей к сложной архитектуре феноменального опыта субъекта» (с. 9).

Отрадно, что в качестве методологической основы диссертационного исследования О. А. Сомова избирает разработанную в рамках отечественной школы методологии науки концепцию постнеклассической рациональности В.С. Степина. Последняя полагает относительность исследовательского результата не только к средствам и операциям деятельности, но и ценностно-смысловым характеристикам субъекта познания. Пристальное внимание к смысловому составу социальной жизни, процессам воспроизводства и трансляции intersубъективных смыслов, работе пресловутой «фабрики социальных значений» (Т. Лукман), конституирующей социокультурное сообщество, выгодно отличает диссертационную работу О.А. Сомовой от большинства подобных диссертаций по социально-философской тематике, выдержанных в духе стилизованного структурно-функционального («сферного») и неофункционалистского подходов.

Первая глава посвящена методологическим предпосылкам формирования категории «социальное сознание». В ней несомненный научный интерес представляет классификация автором наличных концепций intersубъективности. Автор берет за основу концепцию intersубъективности «позднего» Э. Гуссерля, изложенную им в V «Картезтанском размышлении», «как общую интенциональность, согласование между нозмами определенного количества субъектов» (с. 36). Далее следует реконструкция отмеченного его последователями (и не

разрешенного самим Э. Гуссерлем) противоречия между требованием конституировать Другого (посредством аналогизирующей апперцепции) из ресурсов собственной Эго-интенциональности и требованием конституировать его именно как Другого, обладающего собственным сознанием и атрибутами духовности. О.А. Сомова тщательно исследует превращенные формы этого противоречия, вылившиеся в различные концепции intersubjectivity, представленные не только в зарубежной, но и в нашей отечественной литературе. Подвергая тщательному анализу различные концептуальные разверстки феноменологической концепции intersubjectivity, она тем самым реализует поставленную во Введении задачу обобщить более чем полувековой опыт развития феноменологического описания общественных процессов.

Представляет историко-философский интерес рассуждения автора о классификации феноменологически ориентированных направлений социальных исследований на «умеренные» (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман и др.), творчески развивающие традиции Э. Гуссерля и М. Вебера, и «радикальные» (с. 26). Последние исходят из бесспорной социально-онтологической посылки о семантической нагруженности «символических форм» культуры (Э. Кассирер). Но при этом они отрицают возможность доступа к какой-либо иной реальности, кроме сконструированной, – либо в результате самого социального взаимодействия (Э. фон Глазерсфельд), либо в процессах аутопоэтического развития (Ф. Варела, У. Матурана и др.). Твердо придерживаясь позиции социального реализма, автор справедливо полагает, что конструктивистская установка в социальном познании оправдана настолько, насколько позволяет конституировать предмет исследования как сферу научных интересов и отобрать релевантные методологические средства. Но позиция *конструктивного реализма* (В.А. Лекторский) позволяет изучать то, что есть, существует. В данном случае – спектр intersubjectivity социальных значений культурного сообщества.

Мне представляется совершенно оправданной и методологически весьма актуальной (подчас неявной) критика автором абсолютизации коммуникативной парадигмы в социальном познании. Широко распространенные в современной литературе претензии придать коммуникативной рациональности (Ю. Хабермас) статус универсального объяснительного принципа, по справедливому суждению О.А. Сомовой, ведет к автономизации коммуникаций. Ибо, как замечает П. Рикер, язык изначально является средством самовыражения и самоидентификации, и лишь затем – коммуникации. Анализ языка, справедливо отмечает автор, может служить подспорьем в понимании коммуникаций, но не в состоянии выйти в сферу внеязыкового опыта (с. 32). В этой связи уместно было бы использовать и понятие «абсолютно личной собственности» М. Шелера – аналог примордиальной сферы Э. Гуссерля, – опыт которой не ретенциален и не выразим в языке.

Вторая глава в известной степени продолжает тематическую разверстку первой с акцентом на феноменологическое разграничение категорий общественного, социального и личностного. При этом, «общественное мышление коррелирует с типизированным знанием, а социальное проблематизирует само собой разумеющееся» (с. 12 автореф.). Отмечу, что подобное авторское различие категорий общественного и социального носит в значительной степени условный характер (подобно различению теории познания и эпистемологии) и в работах самого А. Шюца не артикулировано. Представляется более оправданным, что *расповседневивание* (термин Б. Вальденфельса) как трансцендирование социально одобренных типизаций (and so forth, and so on...), укорененное в воспринятом Шюцем гуссерлевым различении *открытых и проблематичных возможностей*, является, скорее, проявлением *социального творчества* как созидания новых культурных смыслов.

Третья глава посвящена проблемам феноменологической герменевтики и открывается анализом коммуникативных оснований личности. Важной составляющей тематики этой главы является не седиментированный общий смысл как «невидимый фундамент социального» (М. Ришир), а те превращения, которые он претерпевает, встраиваясь в «социальный габитус» (П. Бурдьё) личности.

Рассуждения о личности в контексте социальных коммуникаций (неявно) отсылают к рассуждениям А. Шюца о *коммуникативной поддержке субъективной реальности*, не нашедшей непосредственного отражения на страницах диссертации. В параграфе втором третьей главы рассуждения автора разворачиваются в русле традиционной для современных авторов изящной «языковой игры», навеянной гуссерлевской идеей примордиальной сферы (сферы принадлежности) и шелеровским концептом абсолютно личной собственности – неретенциальной сферой опыта, близкого к интимному ядру личности.

В Заключении автор подводит итоги своего исследования и справедливо указывает на то, что феноменологическая традиция дает наиболее «тонкий» и адекватный инструмент описания социального опыта.

Подводя итоги, констатирую, что диссертации присуща строгая логическая структура. Автор стремится к четкости изложения и строгости своей аргументации. Серьезное внимание в тексте диссертации уделено работе с оригинальными первоисточниками, причем не и только (и не столько) в плане их содержательной реконструкции (что само по себе непросто в работе с текстами феноменологии), но и с точки зрения их углубленной аналитической рефлексии. Автор не устранился вступить в диалог с признанными корифеями феноменологической мысли, и это придает работе не только инновационный характер, но и высокую

теоретическую значимость в контексте дальнейшего развития социально-феноменологического мысли.

Обращают на себя внимание следующие особенности диссертации, часть из которых можно трактовать в качестве замечаний.

Представляется, что автор излишне сближает феноменологию с марксизмом, хотя сравнительное исследование обеих концепций и является широко представленным в современной литературе. Так, например, на с. 65 читаем: «В результате “феноменологической прививки” теоретическая социология, стремясь понять поведения человека, приходит к логике марксистского прочтения взаимосвязи общества и индивида, выраженного в понятии *общественного сознания*». Принципиальную общность названных концепций О.А. Сомова (следуя Ландгребе) усматривает в «материалистически трактуемой деятельностной онтологии» (с. 144). Однако не следует забывать, что деятельностная парадигма в философии Нового времени присуща всему дискурсу Просвещения и никак не является отличительной особенностью лишь марксизма и уж тем более – феноменологии. Ибо марксизм зиждется на гегельянских *философских основаниях* (термин В.С. Степина), тогда как феноменология (равно как и понимающая социология М. Вебера) – на кантианских. И сходства между ними не более, чем между философскими концепциями Гегеля и Канта (хотя, конечно же, и между ними нельзя отрицать наличие сходства, ибо обе составляют образ немецкой классической философии).

Не вполне четко артикулировано отношение самого автора к реконструируемой им нарративной концепции идентичности П. Рикера – понятию личности как центру нарративной гравитации (Д. Деннет).

Не получила развития и высказанная на с. 70 плодотворная идея автора о связи развиваемой ею концепции социального сознания с современными

телесно-ориентированными подходами (так зазываемой 4E-epistemology: embodied, embedded, enactive, extended).

Наконец, налицо и не вполне корректные противопоставления, например, «наиболее простой единицей анализа выступает суждение, а не смысл, как это принято в феноменологии, и не действие, как полагается классиками социологии» (с. 144).

Однако необходимо отметить, что упомянутые выше недостатки носят сугубо частный характер и не влияют на общую высокую оценку проделанной автором работы. Диссертация О.А. Сомовой вносит существенный вклад в исследование социально-феноменологического движения в современной социально-философской мысли. Вне всякого сомнения, она заслуживает одобрения, а ее результаты следует рекомендовать к публикации.

Содержание реферата соответствует содержанию диссертации. Основные положения диссертационного исследования достаточно полно представлены в презентациях на научных мероприятиях, а также и в публикациях автора (в том числе на платформе WoS) и в журналах, рекомендованных ВАК.

Кандидатская диссертация О.А. Сомовой на тему «Ситуация социального сознания: опыт социально-феноменологического описания» является самостоятельной, завершенной и логически выверенной работой, содержание которой свидетельствует о высоком уровне профессиональной подготовки ее автора. Она отвечает всем требованиям Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 п.п. 9-11, 13, 14, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата философских наук.

Автор диссертации, Сомова Оксана Андреевна, заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.7. – социальная и политическая философия.

Официальный оппонент:

Смирнова Наталия Михайловна
Доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института философии РАН
Место работы: ФГБУН «Институт философии
Российской академии наук»,
Главный научный сотрудник, рук. сектора
философских проблем творчества
109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
Тел. 8(495)697-91-09
эл. адрес: iph@iphras.ru
nsmirnova17@gmail.com

09.01.2023

Смирнова Н.М.

Подпись Смирновой Н.М.
ЗАВЕРЯЮ:
Зав. отделом кадров Института
философии РАН Е.Кравец